

В. Н. ИВАНОВ
(Якутск)

**И. В. ПУХОВ:
СРАВНИТЕЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ИЗУЧЕНИЕ ЭПОСОВ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ
НАРОДОВ**

Специалисты считают, что в олонховедении традиция сравнительного изучения зародилась в 1950—1960-х гг. и тесно связана, в первую очередь, с именем И. В. Пухова. Он заложил основу изучения олонхо в контексте эпосов тюркоязычных народов Сибири: алтайцев, шорцев, хакасов и бурят, связанных с якутами родством происхождения [Мухоплева 2004, 5]. Соглашаясь с этим мнением, хотелось бы уточнить, что И. В. Пухов представлял и якутскую эпосоведческую школу.

Список научных трудов И. В. Пухова содержит несколько десятков работ, основополагающей из которых является академическая монография «Якутский героический эпос Олонхо. Основные образы», изданная в 1962 г. в Москве в Издательстве АН СССР. Эта работа посвящена возникновению, сложению и развитию олонхо как эпического произведения якутов, возникшего в глубокой древности; в ней проблема сравнительного изучения эпосов лишь обозначена вскользь: «в теоретическом плане древние связи олонхо с эпосом других тюрко-монгольских народов — часть общей проблемы о генезисе олонхо» [Пухов 1962,

218]. Возможно, что это была заявка автора на изменение направления своих исследований, тем более еще в 1959 г. им была опубликована статья «Враги героя в Олонхо и в Алпамыше» [Пухов 1959, 48]. Отмечая, что «сравнительно-исторический метод в российской фольклористике одно время незаслуженно был предан забвению», Иннокентий Васильевич заявил: «но в плане изучения эпического творчества тюркоязычных народов большой интерес представляет также *сравнительное* исследование эпоса народов, родственных по происхождению, но в незапамятные времена расселившихся по разным местам и начавших жизнь вдали друг от друга, в соседстве с другими народами. Был ли у них *общий* эпос, когда они жили на своей древней 155

прародине? Что сохранилось от их общего древнего эпического творчества? В чем разошлись пути их творчества, что создали они нового и что восприняли от других народов?» [Там же, 49]. Таковы те вопросы, ответы на которые, по мнению Пухова, могло дать сравнительное изучение эпосов.

Сравнительное изучение эпосов Иннокентий Васильевич начал с изучения якутского олонхо и узбекского «Алпамыша» как памятников эпического творчества двух народов, предки которых «в прошлом находились в каком-то общении» в древнетюркском мире. В результате получилась следующая картина развития образа врага в олонхо и в «Алпамыше»:

1) на ранней стадии героического эпоса враг представляет собой сказочно-фантастическое существо (богатыри абаасы в якутском олонхо);

2) на следующей ступени развития эпоса появляется образ врага, носящего название чужого племени и отражающего некоторые внешние его черты. Однако в то же время этот образ сохраняет и черты сказочной фантастики и является обобщенным образом врага вообще (тунгусские богатыри в олонхо);

3) на более высокой ступени развития эпоса враг принимает образ представителя враждебных племен; в обрисовке его сказочная фантастика сведена к минимуму или даже почти исчезла, вместо этого имеется гиперболизация обычных человеческих качеств. В то же время это все еще только обобщенный образ врага, лишенный национальных черт и индивидуальности (калмыцкие богатыри в «Алпамыше») [Пухов 1959, 59—60].

Такова, по мнению И. В. Пухова, эволюция образа врага в эпосах двух народов в контексте их сравнительного изучения. Она представляет большой интерес с точки зрения выявления «общей линии» развития образов врагов в эпосах, носители которых когда-то оказались разобщенными в силу определенных исторических обстоятельств.

Очень важно, что в обобщениях Пуховым описана общность происхождения двух эпосов от одной тюркской основы, им также установлены различия в сюжетах: если в олонхо сюжеты и образы имеют «исключительно фантастический характер», то в «Алпамыше» отражены уже «реальные события» [Пухов 1959, 60]. Исследователь делает общий вывод о том, что «в то же время наличие типичных племенных отношений, образ Алпамыша, богатыря-одиночки, характер его подвигов в поисках невесты сближают “Алпамыша” с якутским олонхо и свидетельствуют о близости его к родовому эпосу» [Пухов 1959, 61]. Эти положения И. В. Пухова открыли новое направление в исследовательской работе якутских олонховедов и вошли в актив эпосоведения XX в.

Мне кажется, в дальнейшем Иннокентий Васильевич целиком и полностью переключился на разработку проблемы сравнительно-исторического изучения эпосов тюрко-монгольских народов, причем в контексте сопоставления с родственным им якутским эпосом [Пухов 2004, 10].

По опубликованным после 1959 г. работам можно проследить ход и масштабы исследований ученого по этой проблеме:

1. 1959 г. — статья «К вопросу о генетической общности якутского героического эпоса Олонхо с эпосом других сибирских народов» [Пухов 1959a];

2. 1974 г. — доклад «Якутские олонхо и калмыцкий “Джангар”» [Пухов 1974];

3. 1975 г. — статья «Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия» [Пухов 1975];

4. 1978 г. — доклад «Описание богатырского похода в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири и калмыков» на Всесоюзной конференции, состоявшейся в г. Элисте 17—19 мая 1978 г. [Пухов 1978];

5. 1980 г. — статья «Фольклорные связи народов Севера (эпические жанры эвенков и якутов)» [Пухов 1980];

6. 2004 г. — монография «Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо» [Пухов 2004], подготовленная к печати в 60-х гг. XX в., но изданная Институтом гуманитарных исследований АН РС(Я) в 2004 г. Эпосовед В. М. Никифоров тогда писал: «Работа была принята к печати почти 40 лет назад Отделом народного творчества Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, но публикация не состоялась по независящим от автора причинам» [Там же, 315];

7. 2004 г. — сборник статей «Якутский героический эпос — олонхо. Публикация, перевод, теория, типология. Избранные статьи» (сборник также издан Институтом гуманитарных исследований АН РС(Я)) [Пухов 2004а].

Все эти работы посвящены специальному изучению эпосов тюрко-монгольских народов Сибири с точки зрения сравнительно-исторического метода, современного понимания проблем историко-генетического и типологического изучения памятников древнего эпоса [Там же, 86]. То, что Иннокентий Васильевич специально занимался проблемой общности, сходства и различий в эпосах тюрко-монгольских народов Сибири, показывает широту его научных интересов и глубину научного понимания феномена эпического наследия. Им исследовано эпическое пространство на огромной территории, охватывающей значительную часть Центральной Азии и почти весь северо-восток Сибири, дана оценка эпической культуре многих этносов: алтайцев, бурят, тувинцев, узбеков, хакасов, шорцев, эвенков и якутов, и проанализировано содержание нескольких десятков памятников эпического наследия, носители которого шли разными путями в своем историческом развитии. Задача изучения их — дело не из легких, но Иннокентий Васильевич справился с ней блестяще.

В работах И. В. Пухова выстроена единая познавательная картина эпического творчества народов от древних

времен до XX в. Несмотря на неизбежную мозаичность, она едина по своему духовному потенциалу, который обслуживал духовные запросы людей на каждом этапе исторического развития. Единая картина эпического творчества обуславливается общностью основных особенностей эпосов: их стиля, сюжета и композиции, характерных образов. А они, в свою очередь, определялись, по мнению И. В. Пухова, общностью древних исторических и этнических истоков, что весьма характерно для раннего периода — создания эпоса. Пухов писал: «Сходство социальных, исторических или географических условий, культурного развития народов, а также сам “механизм” творческого процесса сказителей могут обусловить даже без непосредственного влияния большую близость тех или иных компонентов, деталей их эпических сказаний» [Там же, 86]. Эта общность или сходство оказываются настолько устойчивыми, что «героический эпос в определенных условиях может в течение многих веков сохранять свои древние черты» [Там же, 133].

Проблема общности эпосов представляет интерес для всех эпосоведов, ибо «не всякое сходство в эпосе объясняется генетически» [Там же, 86]. Исходя из такого понимания, И. В. Пухов коснулся проблем историко-генетического и типологического изучения эпосов. Он рассматривает генетическую общность древнего эпоса как результат взаимовлияния или развития былого общего достояния, совместного творчества в отдаленном прошлом, а типологически — как сходный творческий поиск в сходных жизненных условиях, касающийся больше отдельных деталей, эпизодов, сюжетов в эпосах. В качестве примера генетической общности, которая охватывает целые сказания, весь их строй, характер развития сюжетов, образов, стиль в целом, он приводит сравнение алтайского героического сказания «Маадай-Кара», которое он подробно проанализировал, с якутским героическим эпосом [Там же, 87—118].

Анализ показал, что «в “Маадай-Кара” много общего с якутским олонхо в композиции, в характеристике образов, в типических описательных местах, в традиционных оборотах, в деталях стиля (и даже сюжета) и в отражении характерных бытовых черт» [Там же, 90]. Он одновременно заметил немало различий в обоих эпосах, но установил, что «сходство алтайского эпоса “Маадай-Кара” с олонхо просто удивительно» [Пухов 2004, 164], и далее усиливал эту мысль: «Композиционное сходство алтайского героического сказания “Маадай-Кара” и якутских олонхо надо признать явлением просто уникальным» [Там же, 290].

Общность алтайского и якутского эпосов, по мнению И. В. Пухова, была характерной и для других тюрко-монгольских эпосов. Он писал: «Все, что было сказано выше о близости и различиях алтайского эпоса “Маадай-Кара” с якутскими олонхо, как по сюжету и образам, так и по стилю, относится и к эпосу шорцев, хакасов, тувинцев» [Пухов 2004а, 125], а также и бурят. Это наблюдение стало результатом изучения «наиболее общих моментов» в эпическом творчестве народов в сравнении с таковыми в якутских олонхо [Там же, 127—133]. Эти важные для эпосоведения выводы и положения получены И. В. Пуховым благодаря удачному использованию в своих исследованиях сравнительно-исторического метода.

Надо обратить внимание на одну особенность сравнительного изучения И. В. Пуховым эпосов тюрко-монгольских эпосов. Не удивительно, что в основу всех сравнений положены материалы якутского эпоса. Об этом он заявил еще в 1959 г., когда писал: «весьма важно сравнить якутский героический эпос олонхо с героическим эпосом других тюркских народов» [Там же, 49]. Для этого были веские основания. Одно из них — в древности предки якутов обитали на юге Сибири, но под

ли прежние места обитания и оказались вынужденными переселиться в бассейн р. Лена. Пухов считал, что эпос был создан еще в то отдаленное время, но продолжал бытовать у якутов в отрыве от породивших его событий, т. е. якуты, по-своему происхождению — тюркский народ, сумели сохранить эпическое наследие своих предков в совершенно иных условиях существования — в условиях этнической изоляции. Это уникальное явление, свидетельствующее о том, что в якутском эпосе сохранились наиболее архаичные черты древнейшей общетюркской эпической культуры. Именно этот материал подсказал И. В. Пухову положить его в основу сравнительного изучения.

Установив общность тюрко-монгольских эпосов, И. В. Пухов вышел на проблему происхождения якутского олонхо, определив при этом, что «якутские олонхо имеют генетически общие черты только с древнейшими пластами эпоса других тюрко-монгольских народов Сибири» [Там же, 133], имея в виду, что предки якутов в какое-то время оторвались от общего тюркского корня и в дальнейшем предпочли автономное этническое развитие. Это мнение автора представляет большой интерес для олонховедов, но на него не обращают должного внимания. Ведь под «древнейшими пластами» он имел в виду определенное время — 1-е тыс. н. э., когда тюркские народы Сибири «имели довольно развитый героический эпос» [Там же]. В других случаях он более конкретно датировал время происхождения олонхо и считал, «эти народы могли иметь *непосредственные* (выделено мной. — В. И.) связи (вероятно, в период Тюркского каганата — в VI—VIII вв.)» [Пухов 2004, 288]. А в совместной статье с Г. У. Эргисом они писали: «исторически обозримый “потолок” создания олонхо — конец VI — начало VII в. Вполне вероятно, что якутский героический эпос возник где-то между этими историческими периодами» [Пухов, Эргис 1985, 559].

Итак, на основе сравнительного изучения эпосов И. В. Пухов установил: генетическую и типологическую общность якутского эпоса олонхо с эпосами тюрко-монгольских народов Сибири, а также время происхождения олонхо, определив его концом VI — началом VII в. Это было новым словом и крупным достижением в научном изучении якутского героического эпоса олонхо. Значение этих положений исследователь видел в том, что «вопрос о древнейших истоках якутского героического эпоса олонхо связан с вопросом о происхождении самого якутского народа, о его древнейших культурно-исторических и этногенетических контактах» [Пухов 2004, 3]. И это действительно так: сейчас, как никогда раньше, стала очевидной необходимость привлечения материалов эпического творчества для научного решения сложной проблемы генезиса якутского этноса, которая до сих пор еще не выяснена.

Работы И. В. Пухова открыли и утвердили новое научное направление в изучении тюрко-монгольских эпосов. Его можно считать «пионером» в этой сфере исследований. Сам он писал: «постановку и возрождение на новой основе сравнительно-исторического метода изучения эпического творчества надо признать важным теоретическим достижением» [Пухов 2004а, 48]. В этом его главная заслуга перед общим эпосоведением. Но еще в 1959 г. исследователь откровенно констатировал, что «до сих пор никто не проводил сравнительного анализа якутского эпоса с каким-нибудь конкретным произведением эпоса других тюрко-монгольских народов» [Там же, 50]. В изучении якутского эпоса неопределимая заслуга И. В. Пухова перед олонховедением, в конечном счете — перед родным якутским народом. Надо понимать, что только сравнительное изучение может раскрыть общечеловеческое содержание национально-эпического эпоса, его духовный потенциал в контексте общих ценностей и найти

реальное место олонхо среди памятников мировых эпосов. Именно потому я считаю, что Иннокентий Васильевич внес свой неопределимый научный вклад в провозглашение ЮНЕСКО якутского героического эпоса олонхо «шедевром устного и нематериального наследия человечества» в 2005 г.

Литература

Мухоплева 2004 — Мухоплева С. Д. Предисловие // Пухов И. В. Якутский героический эпос — Олонхо. Публикация, перевод, теория, типология. Избранные статьи. Якутск, 2004.

Пухов 1959 — Пухов И. В. Враги героя в Олонхо и в «Алпамыше» // Материалы по обсуждению эпоса «Алпамыш». Ташкент, 1959.

Пухов 1959а — Пухов И. В. К вопросу о генетической общности якутского героического эпоса Олонхо с эпосом других сибирских народов // Материалы по обсуждению эпоса «Алпамыш». Ташкент, 1959. С. 203—215.

Пухов 1962 — Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. М., 1962.

Пухов 1974 — Пухов И. В. Якутские олонхо и калмыцкий «Джангар» // Проблемы алтаистики и монголоведения. Элиста, 1974. С. 61—68.

Пухов 1975 — Пухов И. В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия // Типология народного эпоса. М., 1975. С. 12—63.

Пухов 1978 — Пухов И. В. Описание богатырского похода в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири и калмыков // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. Элиста, 1978. С. 88—96.

Пухов 1980 — Пухов И. В. Фольклорные связи народов Севера (эпические жанры эвенков и якутов) // Типология и взаимосвязи народов СССР: поэтика и стилистика. М., 1980. С. 264—281.

Пухов, Эргис 1985 — Пухов И. В., Эргис Г. У. Якутское олонхо // Строптивый Кулун-Куллустуур. Якутское олонхо. М., 1985.

Пухов 2004 — Пухов И. В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо. Якутск, 2004.

Пухов 2004а — Пухов И. В. Якутский героический эпос — олонхо: публикация, перевод, теория, типология: Избранные статьи. Якутск, 2004.